

ПСИБО

Сцена первая

Лето. Парк. Массивная скамейка со спинкой. Слева на скамейке сидит мужчина от тридцати пяти до сорока, в серой рубашке с длинными рукавами, брюках и сандалиях, надетых поверх чёрных носков. Мужчину зовут Артём, он плохо выбрит, волосы на голове зачёсаны так, чтобы скрыть лысину. В руках Артём держит поводок, справа от Артёма стоит бутылка с минеральной водой.

Артём что-то увлечённо шепчет себе под нос.

К скамейке подходит маргинального вида мужчина — длинноволосый, бородатый, в грязной одежде и пластиковых шлёпанцах. В руках у Маргинала — большая грязная сумка с полустёршейся надписью PUMA.

Маргинал (Артёму). Я присяду?

Артём, вздрогнув, перестаёт шептать и пожимает плечами. Маргинал садится справа на краешек скамейки, но почти тут же придвигается поближе к Артёму.

Маргинал. Земляк, куришь?

Маргинал подносит два пальца к губам, вытягивает губы трубочкой. Артём отрицательно вертит головой.

Маргинал. Ну, что я тебе скажу. Очень жаль.

Артём вынимает из кармана пачку сигарет и зажигалку, протягивает Маргиналу.

Маргинал (берёт пачку и зажигалку). В смысле? Ты же сказал, что не куришь?

Артём. Ну... да. Просто есть с собой сигареты.

Маргинал. А! Бросаешь?

Артём. Ну... да. Что-то вроде того.

Маргинал закуривает и, будто бы на автомате, кладёт сигареты и зажигалку в боковой карман своей замызганной куртки.

Маргинал. А я вот не бросаю. Чего мне бросать-то? Я и так всё что можно бросил — ещё и это, что ли, да?

Артём. Я не знаю.

Маргинал. Зато я знаю. Это (показывает Артёму зажатую в пальцах сигарету) — не брошу. И пить не брошу.

Маргинал ставит сумку на скамейку, вжикает молнией. Вынимает из сумки бутылку водки, показывает её Артёму.

Маргинал. Ну что? Давай за победу православия во всём мире?

Артём. Мне не хочется.

Маргинал. Ты чего? Это же благородный напиток.

Артём. Я водку не особо.

Маргинал. Да ты посмотри, как называется! Видишь? «Воздух»! «Пьёшь как дышишь»! Я, знаешь ли, не особо доверяю всем этим, которые ГМО куда хочешь запихают, хоть в соль, хоть в сахар, а тут и правда не соврали — пьёшь как дышишь. Чистый продукт, без химозы всякой. Держи!

Маргинал протягивает Артёму бутылку, тот берёт, отложив поводок в сторону.

Маргинал. Ты пей, не стесняйся.

Артём отвинчивает пробку, нюхает водку, морщится, отпивает глоток. Кашляет. Отдаёт бутылку Маргиналу. Берёт бутылку с минералкой, откручивает крышку, запивает водку.

Маргинал. Ты что-то так выпил, как будто за Америку. Ты давай, за наш, за православный мир выпей — по-настоящему, по-мужски!

Маргинал снова протягивает Артёму бутылку. Тот берёт. Маргинал отшвыривает в сторону окурки, придвигается поближе к Артёму.

Маргинал. У меня закусить есть, ты не переживай. Видел, какая сумка у меня? В этой сумке всё моё. Omnia mea mecum porto — слышал такое?

Артём отрицательно вертит головой.

Маргинал. Ты чего, вообще, что ли, тёмный? «Всё своё ношу с собой», понял? Тут весь мой дом — в этой сумке. У меня тут и икона есть, смотри.

Маргинал выуживает из сумки среднего размера икону, завернутую в грязный и рваный полиэтиленовый пакет, разворачивает, показывает Артёму.

Маргинал. Казанская божья мать, понял? Давай, пей за божью мать!

Артём отпивает. Кашляет. Ставит бутылку на скамейку, берёт минералку, запивает.

Маргинал. Что-то ты слабенький какой-то. Крещёный хоть?

Артём (*кивает*). Да.

Маргинал. А пьёшь как нехристь.

Артём. У меня желудок больной.

Маргинал (*заворачивая икону в пакет и пряча в сумку*). Дурак, что ли? Это ж лучший антисептик.

Артём. Ну... наверное.

Маргинал (*кривляется*). Наверное! (*Берёт бутылку с водкой и хорошенько прикладывается.*) Не наверное, а точно!

Артём. Ну... пусть.

Маргинал (*снова приложившись к бутылке с водкой*). Храни нас господь!

Маргинал, не спрашивая разрешения, берёт бутылку с минералкой и запивает. Запив, закидывает минералку к себе в сумку.

Маргинал (*улыбаясь*). У меня тут и жена моя с собой, да. Не веришь?

Артём. Жена?

Маргинал. Ага. Хочешь, покажу?

Артём. В смысле... голова, что ли?

Маргинал. Голова? Ты чего, совсем? Зачем мне голова? Что мне с ней делать? Я же не маньяк.

Маргинал копается в сумке и с улыбкой выуживает потрёпанную резиновую вагину.

Маргинал. Вот она, моя ласточка. А ты — голова!

Артём. Что это?

Маргинал (*помедлив*). Ты вообще наш или как? Не видишь, что ли? Это писька женская резиновая! Идеальный вариант. Пить-жрать не просит, молчит, все желания исполняет. Дурак я, что ли, живую бабу с собой таскать.

Маргинал прячет вагину в сумку.

Маргинал. Хотя, конечно, женщин я люблю. У меня вон даже сумка — женщина, Рима зовут.

Артём. Это не Рима, это — РИМА.

Маргинал. Да знаю я, маленький, что ли. Шуток не понимаешь.

Маргинал прячет в сумку бутылку с остатками водки. Вынимает из кармана куртки сигареты и зажигалку, закуривает, прячет сигаретную пачку с зажигалкой в карман.

Маргинал. Ты всё равно бросил.

Короткая пауза. Артём берёт поводок в руки, безучастно его тербит.

Маргинал. Собачку выгуливаешь?

Артём (*кивает*). Да.

Маргинал. А где ж она?

Артём. Да бегаёт где-то.

Маргинал. Жаль. Я бы её угостил. У меня тут есть.

Маргинал опять лезет в сумку и выуживает из неё полиэтиленовый пакет с сырыми костями в мясных лохмотьях.

Маргинал. Понял, какой закусон? Песня, а не закусон.

Маргинал вынимает одну из костей из пакета и протягивает её Артёму.

Маргинал. Будешь?

Артём (*слегка отодвинувшись*). Нет, спасибо.

Маргинал. Хозяин, как ты сам понимаешь, барин.

Маргинал вгрызается в кость. Артём отворачивается.

Маргинал. Ты чего? Обиделся, что ли?

Артём. Да нет. Всё нормально.

Маргинал. Слушай, мы ж не знакомы! (*Протягивает Артёму жирную грязную ладонь.*) Ваня.

Артём (*помедлив, пожимают ладонь Маргинала*). Артём.

Маргинал. Чё имя детское такое?

Артём (*пожимая плечами и тайком вытирая ладонь о скамейку*). Нормальное.

Маргинал. Ну да, сойдёт для сельской местности.

Короткая пауза. Маргинал грызёт кость.

Маргинал. Люблю мослы в начале мая, как говорится.

Артём (*поперхнувшись*). Июль же уже.

Маргинал. Знаю, не маленький. Скучный ты. (*Помедлив.*) Слушай, сейчас я тебя развеселю, чтоб ты не такой тухлый был, а то и я от тебя тухнуть начинаю. Короче! Покупаю я тут на днях куриные шеи — ну, знаешь, да? Бульон варить.

Артём кивает. Маргинал кладёт кость на скамейку рядом с Артёмом и продолжает рассказывать, активно жестикулируя жирными грязными руками.

Маргинал. Такой лоток белый, из пенопласта. Копейки стоит — улётная тема вообще. И вот, короче, беру я лоток этот, не глядя, и иду к себе. Я тут недалеко, на трубах живу. Так вот, вскрываю я плёнку, сыплю, понимаешь, эти самые шеи в кипящую воду — и, что ты думаешь, я вижу?

Артём. Что?

Маргинал. Палец! Человеческий!

Артём. Палец?

Маргинал. Палец. Хочешь, покажу? Он у меня здесь.

Маргинал ковыряется в сумке.

Артём. Нет, спасибо!

Маргинал (*вынимает из сумки что-то, завернутое в грязную тряпицу*). Смотри.

Артём. Да не нужно. Я верю.

Маргинал (*разворачивая тряпицу*). Вот он.

Артём (*отворачиваясь*). Фу, пожалуйста!

Маргинал (*заворачивает палец в тряпицу и прячет в сумку*). Да как хочешь.

Артём поднимается, прячет поводок в карман брюк.

Маргинал. Ты куда?

Артём. Да мне надо уже.

Маргинал. Подожди. Дело есть.

Короткая пауза. Маргинал встаёт со скамейки.

Маргинал. Слушай. Пошли со мной в милицию, да? Свидетелем будешь. Я им палец покажу, может, они вычислят, чей он. Мы тогда владельцу его отдадим — за вознаграждение, конечно. Человек, может, мучается без пальца, а так назад пришил бы. Долларов сто попросим, например. Тебе тридцать, потому что я ж палец нашёл. Ну, что скажешь? Огонь идея?

Артём резко срывается с места и убегает. Маргинал, пожав плечами, садится на скамейку, берёт кость и продолжает её обгрызать.

Маргинал. Не деловой человек ты, Артёмка. Не православный. А мог бы подняться.

Затемнение.

Сцена вторая

Комната в квартире Артёма. В комнате бардак, повсюду валяется одежда, картонные упаковки от фастфуда, полиэтиленовые пакеты. Артём сидит на табуретке в центре комнаты, положив ладони на колени — будто бы он школьник в кабинете у директора. Мимо Артёма ходит туда-сюда Диана — его жена, непонятного возраста неопрятная женщина с грязными волосами и плохой фигурой. Диана курит.

Диана (*останавливается*). Ты где был?

Артём. Ну... я гулял.

Диана. Что значит — «гулял»? У тебя что, есть с кем гулять?

Артём. Ну... нет. Но я просто. Воздухом дышал.

Диана. Воздухом. Тебе дома мало воздуха?

Артём. Нет, просто...

Диана (*перебивает*). У тебя что, много свободного времени?

Артём. Да нет. Не много.

Диана. Если тебе некуда девать своё время, то устраивайся на вторую работу. Мы с тобой сколько раз об этом говорили?

Артём. Ну... мне же надо отдыхать. Я устаю.

Диана. Что? Ты — устаёшь? Ты мужик, ты не должен уставать.

Артём. Тяжело, всё-таки.

Диана. Что ты ноешь? Что ты ноешь? Ты заметил, что ты постоянно ноешь?

Короткая пауза. Диана, затушив окурок о землю в горшке с давно мёртвой геранью, подходит к Артёму, наклоняется к нему, принюхивается.

Диана. Ты что, пил?

Артём. Нет.

Диана с размаху бьёт Артёма по голове ладонью, тот втягивает голову в плечи, не пытаясь, впрочем, увернуться.

Диана. Неправильный ответ. Спрашиваю ещё раз: ты пил?

Артём. Я чуть-чуть. На улице пристал один, я не смог отказать.

Диана. Ты идиот?

Артём. Нет.

Диана. Ты идиот?

Артём. Нет.

Диана снова бьёт Артёма. Тот поднимает руки над головой, прикрываясь, Диана бьёт его по рукам.

Диана. Ты идиот?

Артём. Нет, я не идиот.

Диана. Ты скотина.

Диана толкает Артёма вместе с табуреткой. Артём и табуретка падают в мусор. Диана подходит к Артёму и начинает бить его ногами в дешёвых пластиковых шлёпанцах. В процессе избияния из кармана брюк Артёма выпадает поводок. Диана, заметив поводок, наклоняется за ним, поднимает, вертит в руках, рассматривая.

Диана. Это что?

Артём лежит, закрыв голову руками, и молчит.

Диана. Я тебя спрашиваю или кого? Это — что?

Диана тычет поводком Артёму в лицо. Тот пытается увернуться, но Диана хватается за волосы.

Диана. Что это?

Артём. Ничего.

Диана (*приподнимая Артёма за волосы*). Что это, сволочь? Что это?

Артём (*кричит*). Это поводок!

Диана. Ты что, купил его?

Артём. Нет!

Диана. Ты купил его? Ты потратил на эту верёвку деньги?

Артём. Нет! Я его нашёл!

Диана. Сколько ты потратил на него денег? А?

Артём. Я его нашёл!

Диана с отвращением толкает Артёма в голову, отпуская его волосы.

Диана. Тварь. Скотина.

Короткая пауза. Артём садится на полу, поправляет растрепавшиеся волосы. Диана берёт поводок так, как деспотичный родитель взял бы ремень — с намерением отхлестать отпрыска за двойку.

Диана. Ты о семье думаешь вообще? О будущем ребёнке? О том, чем мы будем его кормить, когда ты тратишь деньги направо и налево на мусор?

Артём (*тихо*). Я его нашёл.

Диана. Нашёл. (*Помедлив.*) Вот зачем ты врёшь, скажи? Ты думаешь, я не вижу, когда ты врёшь? Я же прекрасно вижу.

Артём. Я не вру. Я нашёл его.

Диана. Нашёл. Если ты его нашёл, то зачем ты его взял? Ты что, сволочь, задумал животное в квартиру притащить? Самим есть нечего, а ты хочешь ещё один рот на мою шею посадить?

Пауза. Артём молча сидит возле табуретки. Диана стоит некоторое время, разглядывая поводок, после идёт к Артёму и принимается хлестать его поводком по голове. Артём пытается закрыть голову руками, но по рукам тоже попадает — и Артём вскрикивает от боли.

Диана (*запыхавшись после порки*). Что ты плачешь, как баба? Что ты плачешь, тварь? Неужели тебе больно?

Артём кивает.

Диана. Какой же ты мужик, если тебе больно?

Короткая пауза. Артём сидит молча на полу, не отвечая, и смотрит в пол.

Диана. Зарплата когда?

Артём. В конце недели.

Диана. Почему в конце недели? Почему не завтра?

Артём. Не знаю. Так сказали.

Диана (*передразнивает*). Так сказали! (*Помедлив.*) Тебе сказали, а ты и послушал. Ты что, не мог в бухгалтерию сходить и сказать, что тебе раньше надо? Что у тебя жена — беременная?

Артём смотрит на Диану, а конкретно — на её дряблый живот, торчащий из-под грязной розовой майки.

Артём. В смысле?

Диана. В прямом! Я тебе на русском языке говорю или на каком?

Артём. Но... мы же... Ну... Давно уже не... делали ничего.

Диана. И что? Что из этого? Это как-то отменяет факт моей беременности?

Артём. Нет, но...

Диана (*перебивает*). Я — беременная. Понял?

Артём. Подожди.

Диана. Ты можешь только принять это и смириться. Всё. Больше ты ничего не можешь. Ну, разве что завтра пойти в бухгалтерию и потребовать выдать тебе зарплату.

Артём. Но я...

Диана (*перебивает*). И ещё найти вторую работу.

Пауза. Диана вынимает из кармана грязных домашних штанов пачку и зажигалку, из пачки — сигарету, закуривает.

Диана. Если ты хочешь, чтобы ребёнок родился здоровым, ты обязан обеспечить мне хорошее питание. Одной зарплатой на это будет мало. Поэтому ищи вторую работу. В идеале было бы хорошо и третью найти, пусть даже на дому. Ты понял?

Артём. Подожди, а ты?

Диана. А что — я? Я, по-твоему, работать должна? Будучи беременной?

Артём. Ну... на дому.

Диана. А я, что ли, не работаю «на дому»? Я, что ли, не убираю, не мою за тобой, не готовлю?

Короткая пауза.

Диана. Я и так на себе весь дом тяну, а ты предлагаешь мне ещё и работать? Когда я вот-вот рожу, да?

Дверь открывается, в комнату заходит толстая женщина пенсионного возраста — такая же неопрятная, как и Диана, в грязной одежде и пластиковых шлёпанцах на босу ногу. Это мать Дианы — Наталья Николаевна. В руках она держит несколько белых полиэтиленовых пакетов, набитых не понятно чем.

Наталья Николаевна. Дианочка, тут я нашла пустых коробок от сока, они хорошие, почти целые, так ты не трогай, я в коридоре сложу. И ещё пакеты от молока. И хлеб чёрный, половинку — немного с плесенью, но плесень обрезать можно. Не выкидывай, ладно?

Диана. Хорошо, мама.

Наталья Николаевна. Там ещё крышки всякие — от банок и пластиковые тоже, они пригодятся, почти целые.

Диана. Хорошо, мама.

Наталья Николаевна. И бананы ещё — гниловатые немного, но это всё можно обрезать. Зато бесплатно. Там ещё абрикосы остались, почти совсем гнилые, но я за ними схожу всё равно — из них хотя бы компот сварить можно.

Диана. Хорошо, мама.

Наталья Николаевна. И тут ещё нитки у меня, я тоже в коридоре сложу, ты не выкидывай — я потом распутаю. И халат ещё. Мне он маленький, но тебе, может, и подойдёт. Померишь потом, только его постирать надо. Хотя можно и так, он не сильно грязный. Будешь мерить?

Диана. Нет, мама. Потом.

Наталья Николаевна (*смотрит на поводок в руке у Дианы*). А что это у тебя?

Диана. Это? Это наш добытчик домой притащил.

Наталья Николаевна. Это что, поводок, что ли?

Диана. Поводок.

Наталья Николаевна. А зачем нам поводок? У нас собаки нет. (*Артёму.*) Артёмушка, золотой, а зачем ты поводок домой принёс? Он разве нужен? У нас же собаки нет — и не будет. Мы же не можем позволить себе собаку. Чем мы кормить её будем? Нам самим есть нечего, какая собака, ты что, Артём?

Артём молчит, глядя в пол.

Диана. Ты видишь, мама? Видишь, да? Этот нахлебник задумал диверсию устроить. Притащить в дом животное, чтобы оно ссало и срало здесь повсюду. Как будто бы мне и так мало работы по дому.

Наталья Николаевна ставит пакеты на пол, с трудом выпрямляясь.

Наталья Николаевна. Да-а-а, Артёмушка, разочаровываешь ты меня. В который раз уже разочаровываешь. Разве можно так?

Диана (*затушив очередной окурочек о землю в горшке с давно мёртвой геранью*). Ему, понимаешь ли, мало того, что он зарплату свою копеечную как подачку нам каждый месяц бросает — на неё не купишь ничего, даже сигареты самые дешёвые брать приходится. Он ещё и твою пенсию хочет на животное просрать. Тварь такая.

Наталья Николаевна. Как тебе не стыдно, Артём? Тебе Дианочку не жаль? Совсем не жаль? Девочка больная всю жизнь, столько денег приходится на лекарства выбрасывать, и я от грудной жабы уже насмерть замучилась, а ты — вот так, да? Последние копейки у нас отобрать хочешь?

Наталья Николаевна кладёт толстую руку поверх своей обширной груди, охает и оседает на пол, тайком поглядывая назад, чтобы случайно не сесть на пакеты. Диана бросается к Артёму и принимается снова хлестать его поводком.

Артём закрывает голову руками.

Диана (*хлещет Артёма поводком*). Ты что с матерью сделал, падаль? Ты что с матерью сделал, а?

Наталья Николаевна. Ох, плохо мне. Ох, плохо.

Диана (продолжает хлестать). Скотина.

Наталья Николаевна. Ох, как мне плохо. Наверное, сердечный приступ. Дианочка, вызывай скорую.

Диана (перестав хлестать Артёма, плюёт на него). Тварь. Довёл мать.

Наталья Николаевна. Вот тут болит. Дианочка, вызывай скорую.

Диана. Скорая долго ехать будет. Я тебе лучше валидола дам.

Наталья Николаевна. Хорошо, доченька. Давай валидол. Сойдёт и валидол.

Диана выходит с поводком в руках.

Наталья Николаевна. Ты, Артём, своим поведением плохо на Диану влияешь.

Артём молчит, скрючившись на полу в позе зародыша.

Наталья Николаевна. Разозлил её зачем-то. А зачем? Ты же сам знаешь, ей нельзя злиться. У меня пенсия маленькая, ты денег в дом почти не приносишь, а таблетки не бесплатные. А чтобы их выписать, это нужно обратно к психиатру идти. Нам с тобой это надо, а? Артём?

Артём всё так же молчит в той же позе.

Наталья Николаевна. Тем более, у неё ребёнок будет. Ей вообще нельзя сейчас нервничать. Поэтому никакого психиатра нам не надо. Или ты хочешь, чтобы её опять в больницу положили? Чтобы привезли потом назад, всю обколотую? Ты что, забыл, как в прошлый раз было?

Артём всё так же молчит в той же позе. Возвращается Диана. Поводка в руках у неё больше нет.

Диана. Я не нашла валидол.

Наталья Николаевна. Ну и не страшно. Мне уже лучше.

Наталья Николаевна с трудом поднимается с пола, подбирает свои пакеты и выходит из комнаты. Диана садится на загаженный и заваленный вещами и мусором диван, выкапывает из мусора пульт, включает телевизор.

Артём молчит, скрючившись на полу в позе зародыша.

Затемнение.

Сцена третья

Обеденный перерыв в тесной бытовке. За столом сидят трое — Петрович, Васильевич, Иванович. Всем хорошо так за пятьдесят, все они очень разные, но неувлимо друг на друга похожие — может быть, цветом лица. Чуть поодаль ютится на табуретке Артём, держа на коленях обычную литровую банку, в которой рис и кружок колбасы. В руках у Артёма — гнутая алюминиевая вилка.

На столе — пластиковые контейнеры с едой, ложки, вилки, бутылка дешёвого вина, разнокалиберные фаянсовые кружки. На подоконнике стоит микроволновка, её чёрный шнур уходит вниз под стол.

Васильевич (*Артёму*). Малой, давай кружку.

Артём. Нет, спасибо. Я не хочу.

Петрович. Правильно, малой! Пьянству — бой, онанизму — зелёную улицу!

Иванович (*Артёму*). Что, не пригубишь даже?

Артём. Ну... немножко можно.

Васильевич. Вот это уже по-мужски.

Иванович. Отпразднуем завтрашнюю зарплату как раз.

Артём встаёт, ставит на табуретку банку с рисом и колбасой, кладёт туда же вилку, идёт к подоконнику, берёт свою кружку, спрятавшуюся за микроволновку. Подходит к Васильевичу, подставляет кружку. Васильевич щедро льёт из бутылки в кружку Артёма.

Артём. Мне чуть-чуть!

Васильевич. Не ссы, малой, у нас ещё одна есть.

Петрович. Да что одна, у нас целый склад ещё. (*Подмигивает Артёму*.)

Артём. Спасибо.

Артём идёт к своей табуретке.

Иванович. Малой!

Артём (*останавливаясь на полпути*). Да?

Петрович. Садись к нам, что ты как не родной? Подвиньтесь, мужики!

Мужики, гремя табуретками, освобождают место. Артём, улыбаясь, ставит на табуретку кружку, берёт табуретку в руки и несёт к столу. После переставляет всё с табуретки на стол.

Васильевич. Что ты как бомж — из банки? На тарелку тебе. (*Двигает к Артёму тарелку с остатками квашеной капусты*.) Перекладывай давай. И капусту бери.

Артём (*садится за стол*). Спасибо.

Иванович (*кладёт в тарелку Артёма котлету*). Ешь. Ты растущий организм, тебе надо.

Артём. Спасибо.

Иванович. Да не за что, малой. Налегай давай.

Петрович. Капусты побольше ешь, чтобы писюн стоял как следует.

Васильевич (*Артёму*). Петрович дело говорит, ты к нему прислушивайся. Он капусты маловато ел в молодости, теперь у него в штанах полный штиль.

Мужики ржут. Артём улыбается.

Иванович (*сквозь смех*). Сдохла сосиска, не присунешь уже куда!

Петрович (*улыбаясь*). Да мне и не надо. Насовался, хватит. Лечись потом, деньги трать.

Васильевич. А резинкой тебя батя не научил пользоваться?

Иванович. Да как он мог научить? Если бы его папаша знал про резинку, то не было бы сейчас никакого Петровича! Сидели б тут одни!

Петрович. Ах ты, сука!

Мужики ржут. Артём улыбается.

Петрович. А если серьёзно, мужики, то я вам скажу, что у меня сейчас лучший период в жизни. Я и мечтать не мог, что меня когда-нибудь бабы волновать не будут. А теперь —

тишь, благодать, никаких жоп и сисек во сне, только детство снится. Знал бы я, что так хорошо будет, я бы себе ещё раньше хер отрезал.

Васильевич. А ты отрезал, что ли?

Иванович. Не, у него сам отвалился.

Мужики ржут. Артём улыбается.

Короткая пауза. Мужики, отсмеявшись, сидят тихо, смотрят в стол. Артём смотрит на мужиков.

Петрович. Ну, давайте, мужики. За мир без баб.

Мужики поднимают кружки, Артём вместе с ними, чокаются, пьют. Артём отпивает чуть-чуть, морщится, заедает капустой.

Васильевич. Это ты хорошо сказал, Петрович.

Короткая пауза.

Артём. А можно спросить?

Петрович. Нет, нельзя.

Васильевич. Да ты чего, малой? Сразу спрашивай, что ты разрешения просишь, как в детском саду.

Иванович (*кривляется, растягивая слова, тянет руку вверх, как школьник*). Наталья Николаевна, а можно в туалет?!

Артём давится капустой. Васильевич стучит его по спине широкой ладонью.

Петрович. Ты не спеши глотать. Жуй! Ишь ты как испугался, что хер обвиснет.

Артём (*откашлявшись, сдавленно*). А почему Наталья Николаевна?

Иванович. Да это у меня воспитательницу так в детском саду звали. Толстая такая бабища. Столько лет прошло, а забыть не получается. Постоянно сука эта жирная меня голым в другую группу водила — за то что не спал на тихом часу. Надеюсь, сдохла уже.

Артём судорожно отпивает из чашки, кашляет, поперхнувшись. Васильевич снова стучит его по спине.

Петрович. Да куда ты торопишься! Расслабься! Ещё полчаса обеда.

Артём утирает рукавом пот со лба.

Иванович. Так что ты спросить хотел? Или ты уже спросил — ну, про Наталью?

Артём (*хрипло*). Нет. Я про другое.

Петрович. Так.

Артём. У меня такой вопрос: а почему вы никогда матом не ругаетесь? Я тут хоть и не долго, но не слышал ещё ни разу.

Мужики ржут. Артём улыбается.

Васильевич (*отсмеявшись*). Непривычно, да?

Артём, улыбаясь, кивает.

Петрович. Это у нас Бригадир придумал — за каждый мат штраф брать. Сначала трудно было, а потом привыкли.

Васильевич. И ты привыкнешь.

Артём. Да я и не матерюсь особо.

Иванович. Это правильно. Себя надо беречь.

Петрович. Ты привыкай. У нас коллектив особый.

Васильевич. Это тебе не абы где. Тут всё по-честному. Каждый месяц — премия.

Иванович. Бригадир мужик справедливый, хотя и жёсткий.

Артём. А где он, кстати?

Васильевич. На больничном сейчас. Ногу сломал.

Петрович. Ничего, скоро выйдет — успеешь познакомиться.

Иванович. Его главное не бояться и слушаться. И всё будет — *(показывает большой палец правой руки)* вот так.

Васильевич. Ну, мужики, давайте за Бригадира.

Иванович и Петрович *(хором)*. За Бригадира!

Мужики чокаются, пьют, с ними Артём.

Петрович *(Артёму)*. Тут как? Будешь себя плохо вести — тебя Бригадир за ящики отведёт и трахнет в жопу.

Артём смеётся. Мужики смотрят на него серьёзно, не улыбаются. Артём делает вид, что снова подавился, и кашляет.

Васильевич. Это уже без шуток.

Петрович. А ты что подумал — он штраф деньгами берёт?

Артём кивает.

Иванович. Денег-то не жалко. Подумаешь — деньги.

Петрович. Мы все через это прошли.

Васильевич. Но с такими штрафами быстро учишься.

Иванович. А зарплата здесь очень хорошая. Спасибо Бригадиру как раз.

Артём. Я вот про зарплату ещё хотел спросить.

Петрович. Ну?

Короткая пауза.

Артём. А можно её как-то сегодня получить?

Длинная пауза. Мужики смотрят на Артёма. Тот смотрит на них, переводя взгляд с одного лица на другое.

Петрович. Я тебе одну поучительную историю по этому поводу расскажу, малой.

Очень короткая пауза.

Петрович. Как-то раз купил я пирожок с яйцом. Разламываю, а из пирожка — муха вылетает.

Артём смотрит на Петровича. Тот молчит.

Васильевич (*Артёму*). Понимаешь?

Артём отрицательно вертит головой.

Иванович. Вот и мы тоже.

Мужики ржут. Артём сначала молча смотрит на них, потом присоединяется к смеху.

Васильевич (*отсмеявшись*). Короче, нереально, малой. Бухгалтерша — сука конченная, упёртая как ослица. (*Помедлив.*) Тем более, чего тебе спешить? Ты всего-то два дня отработал. Там зарплаты твоей — слёзы.

Иванович. Но ты, конечно, можешь пойти и попросить. На свой страх и риск.

Дверь в бытовку открывается, заходит женщина лет пятидесяти — на ней халат голубого цвета, как у продавщиц, волосы собраны на голове сверху в массивную гулю.

Женщина. Так, лентяи! Закончили. Машина пришла.

Короткая пауза. Мужики молчат, никак не реагируя на появление женщины. Артём подпрыгивает с места.

Васильевич (*тянет его за спецовку и сажает назад на табуретку*). Сиди, малой.

Женщина. Вы оглохли, что ли, вонючки? Закончили! Машина пришла.

Короткая пауза. Мужики молчат. Женщина подходит к Петровичу и берёт его за воротник.

Петрович. Чего сразу я?

Женщина. Встал быстро и пошёл вино разгружать.

Петрович. Да сгинь ты уже, корова старая! Руки убери!

Женщина тянет Петровича за воротник. Петрович падает с табуреткой на пол.

Васильевич. У нас обед ещё двадцать минут.

Женщина. Мне насрать. Медленно жрёте, быстрее жрать надо.

Женщина тянет Петровича за воротник к выходу. Мужики, повздыхав, поднимаются с табуреток. Артём — с ними.

Иванович. Что-то ты, Игоревна, разошлась сегодня не на шутку.

Васильевич. Тебя что, мужик твой давно на стручок не натягивал? Чего злая такая?

Женщина. Рот закрой. И бегом машину разгружать.

Женщина и волочащийся по полу Петрович исчезают за дверью.

Васильевич. Эх, сказал бы я тебе. Но не скажу.

Васильевич выходит из бытовки.

Иванович (*Артёму*). Игоревна его сразу Бригадиру сдаст. Так что при ней тоже не матерись.

Артём кивает. Иванович выходит из бытовки. Артём оборачивается, смотрит на стол. Быстро идёт к столу, берёт с чужой тарелки котлету, запихивает в рот, спешит прожевать.

Иванович (за пределами бытовки). Ну? Ты где там, малой? Чего застрял?
Артём (торопливо глотая прожёванное). Иду!

Артём выходит из бытовки.

Затемнение.

Сцена четвёртая

Дневник Артёма

ПСИБО — психологическое боевое искусство. Система, позволяющая по максимуму безопасно разрешать конфликты, избегая рукоприкладства (насколько это возможно). ПСИБО — это наука о том, как не быть жертвой, терпилой, как перестать пытаться контролировать мир вокруг себя и начать контролировать себя, как перестать тревожиться, обрести спокойствие и научиться всегда и везде чувствовать себя дома.

Важно перестать даже на уровне мыслей оценивать других и вмешиваться в их жизнь, за исключением тех случаев, когда другому что-то всерьёз угрожает, а ты — в силах помочь. Не воспитывать других даже у себя в голове. Любую помощь сделать минимальной или вообще убрать. Заниматься прежде всего самим собой, а не другими, — даже на уровне мышления. Исключить из лексики слово «можно», произносимое с вопросительной интонацией, как просьбу разрешить вам что-нибудь, — и перестать разрешать что угодно другим. Каждый взрослый человек действует самостоятельно и сам делает свой выбор, за исключением узко-профессиональных моментов — скажем, я не умею водить машину, потому в деле передвижения по улицам на автомобиле я целиком и полностью полагаюсь на выбор водителя, на его умения и познания. Но всё равно, я по максимуму отвечаю за себя сам.

Я — свободная личность и любое посягательство на свою свободу должен пресекать. При помощи того же ПСИБО, например. Свобода личности священна. Кстати, помощь другим, если это не мелочь вроде уступить место инвалиду в транспорте и тому подобное, является по сути своей посягательством на чужую свободу. Я, конечно, имею в виду взрослых, не детей. Но и помощь детям не должна быть выполнением их задач за них. Нельзя допускать возникновения выученной беспомощности у детей. Помогая другому, мы отнимаем у него возможность самостоятельно развиваться и учиться. Потому в любом случае не стоит лезть к другим со своими советами и помощью. В первую очередь нужно заниматься собой, советовать и помогать себе.

Важно пресекать излишний, неуместный перфекционизм, приводящий к ненужной тревожности. Не гнобить себя, не ругать, прощать себе мелкие и крупные ошибки. Безупречности не бывает — и не должно быть. Совершенство должно включать в себя несовершенство. На ошибках нужно учиться, внимательно анализируя их.

Посягать на собственную же свободу не нужно, поскольку собственная свобода ничем не хуже свободы других людей. Перфекционизм — это как раз посягательство на свою же свободу во имя некоей абстрактной красоты конструкции, а по сути — попытка опять же контролировать окружающий мир, тщетно пытаясь подстроить его под себя.

Воин не обязан быть приятным и уютным, поскольку целиком и полностью осознаёт собственное полнейшее одиночество. Воин — не коврик, не диванчик и не пледик. Воин

общается с другими на равных, не подстраиваясь. Если кто-то не хочет принимать война таким, какой он есть, то это не проблема война. Самостоятельность, автономность, независимость намного важнее умения располагать к себе других.

Важно уметь не скучать. Воину не будет скучно с самим собой, если он умеет себя занять, но не всякой бессмысленной и затуманивающей разум парашей. Никакого эскапизма, только ты сам.

Важнейшим оружием ПСИБО является юмор.

(Вообще, конечно, если «психологическое боевое искусство», то должно быть, наверное ПСИБОИСК или хотя бы ПСИБОИ, но ни ПСИБОИСК, ни ПСИБОИ не звучат как названия боевого искусства. ПСИБОИСК похож на какую-то тусовку любителей паранормального, а ПСИБОИ звучит как название какого-то захудалого исследовательского института. Так что лучше пусть будет ПСИБО.

Если коротенько пройтись по новостям в моей жизни, то, дорогой дневник, я устроился на вторую работу, потому что Стерва утверждает, что она якобы беременна и ей поэтому нужно больше денег. Она требовала получить зарплату раньше, чем можно, на первой работе, теперь требует получить зарплату раньше, чем можно, на второй работе, хотя там я только начал работать, и дадут мне за пару дней всего.

Но, наверное, всё к лучшему. Куда меньше буду бывать дома. Четыре ночи в неделю на первой работе, пять дней в неделю на второй.

Очень не хватает собаки, дорогой дневник. Но, увы, мне даже воображаемого пса завести нельзя. Главное, конечно, не отчаиваться. Скоро всё изменится. Я это чувствую. ПСИБО мне в помощь. И да хранят меня внутренние ресурсы моей личности.)

Затемнение.

Сцена пятая

Комната в квартире Артёма, та же, что и во второй сцене. Артём сидит на табуретке и ест вилкой из банки рис. Мусора и грязных вещей в комнате стало ещё больше, чем раньше, особенно завален всяческим тряпьем диван.

Артём торопится есть, шумно дышит, время от времени тяжело вздыхает. Доев, кладёт вилку в банку, ставит банку под табуретку. Выпрямляется, некоторое время сидит тихо, после тихонько мычит себе под нос незатейливую мелодию.

Вдруг тряпье на диване начинает шевелиться, из тряпья сначала показывается большая лысая голова, потом плечи — и, наконец, выбирается целиком очень толстый мужчина в растянутой грязной майке с надписью «Духовный центр ВОЗРОЖДЕНИЕ». Садится на диване, смотрит на Артёма. Артём, увлечись, не замечает обитателя диванного тряпья, которого, кстати, зовут Лёшка.

Лёшка. Ты кто?

Артём вздрагивает, подскакивает с табуретки, замечает Лёшку. Стоит, руки по швам.

Лёшка. Ты не слышал, что ли? Ты кто?

Артём. Артём.

Лёшка. Какой Артём?

Артём. Ну... Новиков.

Лёшка. И что ты тут делаешь, Артём Новиков?

Короткая пауза.

Артём (*пожимая плечами*). Ну... как бы... живу.

Лёшка. А с какого перепугу ты тут живёшь?

Артём. Ну... это моя квартира. Вообще-то.

Лёшка. Что? Ты с дуба лянул? Какая твоя квартира?

Артём. Родителей моих. Я здесь живу с рождения.

Лёшка. Так это же Дианы квартира.

Артём. Ну... нет. Моя.

Лёшка. Не, ты не понял. Это Дианы квартира. А ты — не понятно кто. Тебя здесь не должно быть.

Артём. Как это?

Лёшка. А вот так это. Иди отсюда. Пока я не встал.

В комнату входит весёлая и катастрофически пьяная Диана с пакетом в руках. Диана курит. Бросает пакет на пол (тот громко звякает), идёт к дивану, обнимает Лёшку, целует, садится рядом с ним. Молчит, не в силах разговаривать.

Лёшка. Диана, это кто?

Диана, не глядя, пожимает плечами.

Лёшка (*Артёму*). Видишь, она тебя не знает. Так что давай, бомжара, вываливайся отсюда. Не мешай нам строить семейную жизнь.

Артём. Я её муж. Дианы.

Лёшка. Кто? Кто ты? Муж?

Артём. Да. Муж.

Лёшка некоторое время молча смотрит на Артёма, после принимается с удовольствием ржать. Артём, не выдержав, улыбается.

Лёшка. Ну ты фантазёр! (*Диане.*) Слышала? Вот этот обсос приبلудный — твой муж!

Диана, не глядя, пожимает плечами.

Лёшка (*Артёму*). Мне встать, что ли, и проводить тебя, муж? Сам не найдёшь выход?

Диана сползает с дивана на пол и ударяется о него лбом. Лёшка этого не замечает, он смотрит на Артёма.

Лёшка (*Артёму*). Я тебя, сука, сейчас в окно отправлю, если сам не пойдёшь. Не беси меня.

Артём идёт к выходу из комнаты, но дверь открывается — и входит Наталья Николаевна.

Наталья Николаевна. Артёмка, подожди.

Артём останавливается.

Наталья Николаевна. Артёмка, золотой, ты деньги принёс?

Артём. Какие деньги?

Наталья Николаевна. Да хоть какие.

Артём. Я же два дня назад обе зарплаты вам отдал.

Наталья Николаевна. Это ты Диане отдал, а не мне. А у меня денег нет.

Артём. Так а пенсия?

Наталья Николаевна. Ты что думаешь, много там той пенсии? Ты не издевайся, Артёмка, над старой больной женщиной.

Лёшка с трудом, кряхтя, встаёт с дивана и идёт к валяющемуся на полу пакету, который принесла Диана, ковыряется в нём, выуживает бутылку с дешёвым вином, скручивает толстыми пальцами крышку, швыряет её от себя — и, не прерываясь, выпивает всю бутылку. Швыряет от себя и бутылку.

Артём. Я не издеваюсь.

Наталья Николаевна. Если не издеваешься, то давай деньги, Артёмка.

Артём. У меня нет денег, Наталья Николаевна.

Лёшка. Эй, муж! Я тебе сейчас череп сломаю, муж. Деньги давай.

Наталья Николаевна (*Лёшке*). Представляешь, Лёшенька, какая ситуация, да? Он где-то заначки прячет, а нам из-за него есть нечего. Принёс позавчера какие-то копейки, Дианочке на лекарства едва хватило, и говорит, что это всё, что дали. Врёт и не краснеет. Никакой совести у человека нет.

Лёшка (*медленно идёт к Артёму и Наталье Николаевне*). Череп сломаю! Сука!

Наталья Николаевна. Хоть бы постеснялся. В доме еды никакой, мне из-за него по помойкам приходится ходить, а он стоит и улыбается. Бессовестный.

Артём (*очень тихо, втянув голову в плечи*). Я не улыбаюсь.

Лёшка. Э! Ты! (*Помедлив.*) Ты!

Лёшка выдаёт богатырскую отрыжку и валится на пол, ударившись головой. Наталья Николаевна, охая, спешит к нему.

Артём наклоняется, берёт из-под табуретки банку с вилкой и выходит из комнаты, у двери коротко оглянувшись.

Наталья Николаевна (*склонившись над Лёшкой*). Лёшенька! Ты же всю голову себе разбил!

Диана (*не вставая и никак не меняя положения*). Пададь.

Затемнение.

Сцена шестая

Раннее утро. Та же бытовка, что и в третьей сцене. Хмурые Васильевич, Иванович и Петрович переодеваются в рабочую одежду. На табуретке ждёт уже переодетый в спецовку Артём.

Васильевич. Надо чаю.

Иванович. Чаю, да.

Петрович. Малой, сделай чай всем.

Артём подпрыгивает с табуретки, идёт к столу, что-то ищет глазами.

Иванович. Чего ты копаешься?

Артём. Чайник.

Иванович. Что — чайник?

Артём. Нет чайника.

Петрович. Ты совсем, что ли? В лесу воспитывался?

Васильевич. Наливаешь воду в чашки, бросаешь заварку и ставишь в микроволновку на три минуты. Что ты как маленький?

Артём берёт чашки и выходит из бытовки. Мужики рассаживаются вокруг стола по табуреткам, копаются в пакетах с едой, вынимают глазированные сырки, конфеты, булочки, кладут на стол.

Иванович. Зачем нам этого четвертого дали? Тупой какой-то, одни проблемы от него.

Петрович. Василич, поговори с Бригадиром, пусть снимут его.

Васильевич. Выйдет на работу — тогда и поговорю.

Иванович. Мне на него, честное слово, иногда хочется ящики уронить. Так надоела его эта рожа постная.

Петрович. Ни о чём рожа.

Иванович. Да, я бы...

Васильевич (*перебивает*). Ты бы да бы. Всё, хорош тут базар разводить. Сказал — поговорю, значит поговорю.

Петрович. Василич, ну ты же сам...

Васильевич (*перебивает*). Всё, закрыли тему!

Иванович. Василич...

Васильевич (*перебивает*). Закрыли тему, я сказал! (*С силой хлопает ладонью по столу.*)

Заходит Артём с наполненными водой чашками, не закрывая за собой дверь.

Иванович. Где ты копаешься?

Петрович. Ты в лифте родился, что ли? Чего дверь оставил?

Артём подходит к столу, ставит чашки. Принимается по одной ставить их в микроволновку. В это время в открытую дверь входит Бригадир — широкоплечий мужчина под два метра ростом, одетый не в спецовку, а в некое подобие военной формы — даже на голове у него кепка с защитными разводами. На ногах — тяжеленные берцы. Бригадир слегка прихрамывает и опирается на трость.

Васильевич и Петрович резко вскакивают, сидящий спиной к двери Иванович сначала смотрит на них, после оборачивается и тоже вскакивает.

Бригадир. Познакомился я тут с нашим новым парнем. Артём, да? (*Артём кивает.*) Хороший парень.

Васильевич. Здравствуйте, Анатолий Александрович.

Петрович. Здравствуйте.

Иванович. Здравствуйте.

Бригадир. Привет, привет.

Бригадир подходит к столу. Иванович уступает ему своё место. Бригадир садится за стол. Артём, зарядив чашками с водой микроволновку, ставит таймер на три минуты и, отойдя чуть в сторону, остаётся стоять на месте.

Васильевич. Садитесь, пожалуйста, Анатолий Александрович.

Бригадир. Да я уже сижу, Василич.

Васильевич. Простите, Анатолий Александрович.

Бригадир (*помедлив, внимательно разглядев лицо Васильевича*). Так уж и быть — прощаю.

Короткая пауза. Бригадир сидит, остальные стоят.

Бригадир. Ну что, парни. Кто расскажет, как у нас дела?

Васильевич. Анатолий Александрович, можно я?

Бригадир. Хорошо, давай.

Васильевич (*откашлившись*). Анатолий Александрович, у нас полный порядок. Дисциплина на высшем уровне. Светка без вас лютовать начала, но...

Бригадир (*перебивает*). Со Светкой разберусь. Много о себе думает.

Петрович. Анатолий Александрович, я слышал, она говорила, что вы всё. И что она теперь вместо вас будет.

Бригадир. Что значит «я — всё»?

Иванович. Ну, типа, потеряли трудоспособность.

Васильевич. Инвалидность, все дела.

Длинная пауза. Бригадир берёт лежащую на столе булочку, начинает жевать, разглядывая лица мужиков.

Бригадир (*с набитым ртом*). Я не понял, мне чаю кто-нибудь подаст? Или я сухомыткой давиться должен?

В этот момент звякает микроволновка. Мужики бросаются к ней, толкуются, каждый старается схватить чашку первым. В итоге в борьбе побеждает Васильевич. Он идёт с полной чашкой к Бригадиру, ставит её на стол перед ним.

Бригадир. Сахар.

Петрович первым успевает к одному из шкафчиков, распахивает дверцу, хватает банку с сахаром, бежит к столу, хватает столовую ложку, открывает банку, набирает ложкой сахар, сыпет в чай Бригадиру. Размешивает.

Бригадир. Спасибо.

Бригадир берёт чашку, отпивает чай.

Бригадир. Инвалидность, значит.

Васильевич. Так и сказала.

Короткая пауза.

Бригадир. Ладно. Со Светкой я порешаю. Посмотрим ещё, кто всё, а кто не всё.

Иванович. Анатолий Александрович, я бы...

Бригадир (*перебивает*). Ты бы да бы. Сам разберусь.

Бригадир берёт глазированный сырок, освобождает от упаковки. Запихивает сырок целиком в рот, жуёт.

Бригадир (*дожевав и проглотив, глядя на Артёма*). Новенького в бригаду уже принимали?

Васильевич. Анатолий Алексеевич, ну как мы без вас?

Бригадир. То есть, даже не рассказывали про ритуал?

Петрович. Вас дожидались, Анатолий Алексеевич.

Иванович. Может быть, вы вообще не захотите, чтобы он... ну...

Бригадир. Чтобы он — что?

Иванович. Был с нами в одной бригаде. Может, он нам не нужен.

Пауза. Бригадир ест разложенные на столе сладости.

Бригадир. Иваныч.

Иванович. Да, Анатолий Александрович.

Бригадир. Как ты думаешь, кому решать — мне? Или тебе?

Иванович. Вам, Анатолий Александрович.

Бригадир. Сорок отжиманий со спущенными штанами.

Иванович без паузы спускает штаны, трусы, чуть ли не падает на пол и принимается отжиматься, пыхтя. Бригадир, не глядя на него, с удовольствием ест чужую еду, запивая чаем. Все остальные, включая Артёма, стоят, не шевелясь.

Иванович с большим трудом отжимается последние пять раз и, полностью обессиленный, падает на пол.

Бригадир. Уберите.

Васильевич и Петрович бросаются к Ивановичу и оттаскивают его в угол бытовки. Возвращаются на прежние места.

Бригадир (*Артёму*). Матом ругаешься?

Артём. Я?

Бригадир. Ну не я же. Ты, ты.

Артём. Нет... не особо.

Бригадир. Так «нет» — или «не особо»?

Артём. Нет. Не ругаюсь.

Бригадир. Правильный ответ. Знаешь, что бывает за мат в нашей бригаде?

Артём. Знаю.

Бригадир. Пьёшь?

Артём. Ну...

Бригадир (*перебивает*). Без «ну».

Артём. По праздникам. Но вообще почти нет.

Бригадир. Сам понимаешь, работаем в таком месте, что соблазн очень большой возникает. Если я вдруг замечу — или ребята мне расскажут, что ты... (*Помедлив.*) Понимаешь, к чему клоню?

Артём. Да. Я не буду.

Бригадир. С курением та же тема.

Артём. Я не курю. Жена курит, а я нет. Если у меня и бывают сигареты с собой, то это для неё.

Бригадир. С чем я тебя и поздравляю. Так, теперь снимай штаны.

Пауза. Артём смотрит на Бригадира. Тот ест и пьёт чай.

Артём. Зачем?

Бригадир. Посвящать тебя будем. В члены нашей бригады. Вводить, скажем так, в наше братство.

Пауза. Артём стоит, не двигаясь.

Бригадир. Ребята, подсобите новичку.

Васильевич и Петрович бросаются к Артёму, хватают его за руки, заламывают их за спину. Петрович держит заломанные руки, Васильевич сдёргивает с Артёма штаны и трусы. Поворачивают Артёма задом к Бригадиру. Тот, вытирая руки об одежду, поднимается, идёт, прихрамывая, к Артёму, на ходу расстёгивая ремень и пуговицы на штанах.

Артём кричит.

Бригадир. Ну, тихо, тихо. Что ты разволновался так?

Артём продолжает кричать, пытается вырваться, но Петрович держит крепко.

Бригадир (*пристраиваясь к задку Артёма*). Василич, ты после меня. Потом Петрович. Ну и последний — Иваныч, если очухается.

Васильевич кивает, отходит чуть в сторону. Артём продолжает кричать.

Петрович (*Артёму*). Да не будь ты бабой! Мы все через это прошли. Будь мужиком, в конце концов.

Артём кричит. Васильевич подходит к нему быстрым шагом, разрывает на нём спущенные трусы и затыкает получившимся комком Артёму рот.

В этот момент дверь в бытовку открывается, заглядывает женщина из третьей сцены — Игоревна (или, если панибратски, Светка).

Светка. Ой! Анатолий Александрович! У вас посвящение.

Бригадир (*вонзаясь в мычащего Артёма, рывкает*). Да!

Светка. Ну, я позже загляну. Или вы на чай заходите.

Бригадир не отвечает, он в процессе. Светка выходит, аккуратно прикрывая за собой дверь. В углу возится очухавшийся Иванович.

Васильевич спокойно идёт к столу, вынимает из микроволновки чашку, кладёт в неё столовой ложкой сахар, размешивает. Пьёт чай, заедая остатками сладкого.

Артём уже не мычит. Его голова болтается. Но Петрович продолжает держать его за руки.

Затемнение.

Сцена седьмая

Поздний вечер. Палата в тюремной больнице. В палате всего две койки: на правой лежит — Артём, на левой — сухонький седой старик. Старика зовут Дядь Саш, он спит. Артём в слезах, всхлипывает. Под очень высоким потолком — тусклая, засиженная мухами лампочка, свет которой отчётливо пахнет гнилым луком.

Артём, пытаясь поменять положение на койке, коротко стонет. Из-за этого стона просыпается Дядь Саш.

Дядь Саш. Кто там?

Артём молчит, но выдаёт себя всхлипами.

Дядь Саш. Я, может, плохо вижу, но слышу прекрасно. Назовись.

Артём (*хрипло*). Артём. Новиков.

Дядь Саш. Извини, Артём Новиков, повернуться и посмотреть на тебя я не могу, у меня здесь только одна позиция. Хуже всего, что никто переворачивать не будет, а это чревато пролежнями. Я тебя попрошу, если ты можешь, конечно, чтобы ты меня ворочал иногда на живот, ладно?

Артём. Мне пока тяжело встать.

Дядь Саш. Ну, когда сможешь. Я особо не тороплю. Может, сестру попрошу, хотя здесь это почти бессмысленно.

Короткая пауза.

Дядь Саш. А ты тут чего, кстати?

Артём. В больнице?

Дядь Саш. Ну, для начала в больнице.

Пауза. Артём вздыхает.

Артём. Ну... повредили меня. Сильно.

Дядь Саш. Не хочешь — не говори. Твоё право.

Артём. Не хочу, если честно.

Дядь Саш. Ну и правильно. Личное лучше при себе держать. (*Помедлив.*) Хорошо, а на тюрьме ты как оказался?

Артём. Сто восемьдесят восьмая статья УК РФ.

Дядь Саш. Это что, клевета, что ли?

Артём. Ну... да.

Дядь Саш. Так за клевету ж обычно штраф или работы. Сильно оклеветал кого?

Артём. Нет. Но мне никто не поверил, что я...

Дядь Саш (*перебивает*). Ну это понятно, денег-то у тебя нет, я правильно понимаю?

Артём. Да.

Дядь Саш. Ты напомни мне, как тебя зовут? Память дырявая, ничего в голове не держится.

Артём. Артём. Новиков.

Дядь Саш. А меня Дядь Саш зовут.

Артём. А по отчеству?

Дядь Саш. А не надо по отчеству. Просто Дядь Саш.

Артём. Хорошо, Дядь Саш.

Дядь Саш. Вот и прекрасно.

Длинная пауза. Дядь Саш лежит с закрытыми глазами и будто бы спит.

Дядь Саш. Ты сильно не переживай, Артём. На тюрьме не так и плохо, как может показаться. Кормят регулярно, крыша над головой всегда есть, порядок опять же какой-никакой. Даже медицина, хотя кто бы мог подумать. Она здесь, правда, немножко из прошлого, но это не страшно. (*Помедлив.*) Многие из наших на воле долго не задерживаются,

потому что для них там нет ничего — не за что зацепиться. Вот и срываются опять сюда, на тюрьму, к нам.

Пауза. Артём молчит.

Дядь Саш (*открыв глаза*). У тебя на воле есть кто?

Артём (*помедлив*). Есть... нет.

Дядь Саш. Понятно. Есть, но лучше бы не было.

Артём. Вроде того.

Дядь Саш. У меня внучка. Но я сказал ей, чтоб жила своей жизнью и про меня забыла — вычеркнула чтобы совсем.

Артём. Почему?

Дядь Саш. А зачем ей такой якорь? Я здесь до упора, так что смысла нет никакого со мной возиться. Я в другом мире, понимаешь?

Артём. А что вы сделали?

Дядь Саш. Человека убил. Заморозил насмерть.

Артём. Это как?

Дядь Саш. В магазинах есть такие холодильники большие, промышленные. Ну вот в него затолкал, выставил минус двадцать пять и оставил на ночь. Правда, предварительно мы с ним чаю выпили, только у него чай с клофелином был, а у меня — с сахаром.

Дядь Саш издаёт короткий смешок. Короткая пауза.

Артём. Жестоко.

Дядь Саш. А человек, Артём, самое жестокое в мире животное, если ты не знал. И самое мерзкое. И мерзость эта заключается в его поразительно безосновательной самовлюблённости. Человек — это хитрая, злая, беспринципная обезьяна. Но при этом — нарцисс каких поискать.

Короткая пауза.

Дядь Саш. Я не говорю, что другие животные — все поголовно белые безобидные пушистики. Нет. Природа сама по себе — та ещё озлобленная сука. Но вот эта голожопая самодовольная обезьяна, которую мы каждый день вынуждены наблюдать в зеркале, сумела на фоне всех остальных весьма прилично выделиться. Для неё жестокость — это норма. Как и любовь, но только особая любовь — ко всем разновидностям вранья, а в особенности — к самообману. Стоишь такой у зеркала и врешь самому себе прямо в лицо, что ты — хороший, что ты не такой, как все остальные, что ты — чистый, что у тебя есть сердце. (*Помедлив.*) А ничего такого, Артём, нет.

Артём. Совсем?

Дядь Саш. Совсем. Ни грамма. Сердце — всего лишь насос, который гоняет кровь по организму. И нет в человеке ничего, кроме потрохов и сладких выдумок про себя любимого.

Пауза.

Дядь Саш. Ты не вздумай, Артём, верить кому-нибудь. Обязательно обманут. И в сказки о какой-то там справедливости не верь, потому что в сказки верят только дураки и дети. Человек в основе своей подл и коварен. И нет никаких родных, близких, друзей и любимых. Есть кровожадные голые обезьяны, которые только и ждут, когда можно будет поудобнее усестся на твоей шее. Поэтому расслабляться нельзя ни на секунду. Каким бы тебе ни казался человек, но стоит только тебе чуточку расслабиться, как он тут как тут — устроился на твоей шее с максимальным комфортом. А ты вези его, куда он пожелает. Ещё и

обижаться начнёт, если вдруг замешкаешься. Захочешь его скинуть — так он *тебя* виноватым во всём сделает, до конца жизни ком в горле таскать будешь. И так всегда: и возишь ты, и секут тебя. (*Помедлив.*) Не становись лошадкой, Артём. Не катай на себе никого, даже детей.

Артём (*тяжело вздохнув*). Понимаю.

Дядь Саш. Хорошо, если понимаешь. Не бойся понимать. Бойся не понимать. А больше ничего и никого бояться не надо. Особенно людей, хотя, как я уже говорил, страшнее человека зверя нет. Но ты всё равно не бойся.

Короткая пауза.

Дядь Саш. Человеческая обезьяна труслива, потому и так жестока. А ты не бойся. Особенно не бойся задеть чьи-либо чувства, потому как все эти чувства — не более чем смешная выдумка.

Артём. Даже мои?

Дядь Саш. Даже твои. И мои. И кого угодно. Ты вот лежишь сейчас здесь, плачешь, жалеешь себя — свои разодранные в клочья чувства, а их-то на самом деле и нет. Вымысел. Пшик. Тебе сделали больно, а ты, вместо того, чтобы из боли этой извлечь для себя науку, бессмысленные слёзы льёшь. Сделали тебе больно? Сделай больно в ответ! И, главное, делай больно сам, не проси ни у кого помощи. Вообще никогда ни у кого не проси помощи. Не подставляй шею для чужих жоп.

Артём. Но если я сделаю им больно в ответ, то чем я тогда от них отличаюсь?

Дядь Саш. А ничем. Твоя основная ошибка в том, что ты уверен в своей уникальности. А ты точно такой же. Такая же подлая обезьяна. Прими этот факт. (*Помедлив.*) Тебе разве не хочется раскрыть своим обидчикам бошки?

Артём (*чуть помедлив*). Хочется.

Дядь Саш. Так вот и не ври себе. Если хочется, значит — надо раскрыть.

Артём. А может... просто оставить их в покое?

Дядь Саш. Ага, чтобы они плодились, да? Чтобы потом от них продыху не было? Хочешь их воню дышать до конца жизни?

Артём. Ну... нет.

Дядь Саш. Так вот и не надо.

Пауза.

Артём. Дядь Саш.

Дядь Саш. Да.

Артём. А ты за что человека убил?

Дядь Саш. За то, Артём, что человек этот дочку мою с мужем сбил насмерть и сухим из воды вышел. Человеческий суд его деньгами вполне удовлетворился, а божьего суда нет, потому как бога никакого нет. Вот и пришлось мне своими руками ублюдка этого жирного судить. Свиной туше самое место в холодильнике, вот я его туда и отправил. Только что на крюк не повесил, хотя стоило. Слишком тяжёлый, мерзавец. Мне одному не поднять.

Длинная пауза.

Дядь Саш. Знаешь, как с персидского «обезьяна» переводится?

Артём. Как?

Дядь Саш. «Отец греха». То есть, по сути, «причина зла». Запомни это, держи всегда в голове — зло придумала человеческая обезьяна. И не как понятие, а как принцип существования. Основной двигатель своей ничтожной голожопой жизни.

Затемнение.

Сцена восьмая

Дневник Артёма

Воину важно прежде всего помнить, что мы живём в виртуальной реальности, которую создаёт наш мозг, то есть — мы сами. Поэтому все враги, проблемы, разочарования и так далее — это продукт деятельности нашего мозга. Мы их создаём. И мы же потом с ними сражаемся, сами же от этих сражений страдаем. То есть, пребываем в постоянном состоянии боя с тенью. Главная цель (или задача) ПСИБО — прекратить сражаться, как бы парадоксально это ни звучало. Выйти из состояния войны в состояние мира. Воин — это не тот, кто умеет идеально сражаться (хотя и не без этого, конечно). Воин — тот, кто не допускает сражений. Задача — не победить, не выиграть, а — установить мир.

(Если коротенько пройтись по новостям в моей жизни, то, дорогой дневник, я сижу в тюрьме и буду в ней сидеть ещё минимум полтора года. Сижу за изнасилование, как ни удивительно, только насильником не я, а меня, но какая разница, правда, дневничок? Хорошему человеку не важно, за что сидеть. Здесь, в целом, не так и плохо, как мне всегда казалось, но всё же — невероятной глупостью было идти в милицию и писать заявление. Разбираться в чём бы то ни было нужно обязательно самому, не привлекая никакие сторонние силы, поскольку вероятность пострадать от этих сторонних сил в любом случае выше, чем наоборот. Мог бы и сам, если бы, конечно, силёнок хватило.

Но, наверное, всё к лучшему. Ещё очень долго я не буду дома. Каждый день и каждую ночь я здесь.

Очень не хватает собаки, дорогой дневник. Но, увы, мне даже воображаемого пса завести нельзя. Главное, конечно, не отчаиваться. Скоро всё изменится. Я это чувствую. ПСИБО мне в помощь. И да хранят меня внутренние ресурсы моей личности.)

Затемнение.

Сцена девятая

Длинное помещение с рядами столов, на каждом из столов — швейная машинка. Бритые наголо зеки шьют тюремные робы, ничем не отличающиеся от тех, в какие одеты сами зеки.

За одним из таких столов сидит Артём и шьёт робу. Справа от него — Сергей, слева — Дима, занятые тем же самым трудом.

Артём работает с удовольствием, улыбается.

Дима. Новиков.

Артём не отвечает — он полностью погружён в работу.

Дима. Новиков! Эй!

Артём. М?

Дима. Ты слышишь меня?

Артём. Конечно, слышу.

Дима. А чего не отвечаешь?

Артём. Отвечаю.

Дима. Тухло как-то отвечаешь.

Артём. Как могу. (*Помедлив.*) Я работаю.

Дима. Мы тоже работаем.

Сергей. У него просто автоматизм ещё не выработался. Ему надо думать за работой.

Дима. Ничего, скоро привыкнет.

Сергей. У него ещё не произошло разделения на голову и руки. У него ещё голова следит за руками.

Дима. Так у всех поначалу. У нас тоже так было. Так что ты не переживай, Новиков.

Артём. Я не переживаю.

Короткая пауза.

Дима. Новиков.

Артём. Да.

Дима. Кто ты такой, Новиков?

Артём. Я?

Сергей. Ты, ты.

Дима. Не я же.

Артём. Я — Артём. Новиков.

Дима. Нет, Артём Новиков — это имя и фамилия, это не ты. Кто *ты*?

Короткая пауза.

Артём. Ну... я сторож. И грузчик. В прошлом.

Сергей. Нет, сторож и грузчик — это профессии, это не ты. Кто *ты*?

Пауза. Артём работает, уже не улыбаясь.

Артём. Я... ну... заключённый?

Дима. Нет, заключённый — это всего лишь твой временный статус. Кто *ты*?

Длинная пауза. Артём продолжает работать, но как-то совсем хмуро.

Артём. Я — обитатель этой страны?

Сергей. Нет, обитатель этой страны, как и планеты, как и вообще вселенной — это такой же временный статус. Это не ты. Кто *ты*?

Очень длинная пауза. Артём перестаёт работать.

Артём. Я... ну... этот. Раб божий?

Дима и Сергей смеются. Артём снова принимается шить робу.

Дима. Не, это ты совсем не туда куда-то свернул. Какой же ты «раб божий», если никакого бога нет? Это не ты. Кто *ты*?

Артём. А! Ты имеешь в виду — по масти?

Сергей. Пф, да по какой масти? Ты ещё про понятия нам расскажи!

Дима. На тюрьме давно никто не живёт по понятиям. Вот на воле — да.

Сергей. Там все как с ума посходили с этими воровскими предрассудками. На тюрьме уже много лет никаких воров нет. Все воры — там.

Дима. И охраняют нас воры.

Сергей. Вот ты за что сидишь?

Артём. Ну... за клевету.

Дима. Дай угадаю — не тем людям правду рассказал?

Артём. Вроде того.

Сергей. А ты говоришь — «по масти». Любая масть — это временный статус, это не ты. Кто *ты*?

Пауза. Все трое шьют. Мимо проходит надзиратель, явно измученный лишним весом.

Артём. А! Я понял! Я — человек. Или это опять — «временный статус»?

Дима. Увы, да — это всего лишь временный статус. И если уж на то пошло, то что такое — «человек»?

Артём. Ну... Венец творения, вроде как.

Сергей. Ты в этом точно уверен?

Артём. Не знаю. Но так говорят.

Дима. А ты веришь всему, что тебе говорят?

Артём. Нет, но... *(Помедлив.)* Я не знаю.

Сергей. Точно ли «венец»? И «творения» ли?

Артём. Ну, мы всё-таки самые умные существа на этой планете.

Дима. Серьёзно?

Артём. Мне так кажется.

Сергей. А точно «тебе» так кажется?

Дима. Кто этот «ты», которому так кажется?

Короткая пауза.

Артём. Сын своих родителей?

Сергей. Все мы — дети своих родителей. В этом ничего особенного нет. Кто *ты*?

Артём. Муж?

Дима. Ха! Это вообще эфемерная фигня. Просто слово. Нет, кто *ты*?

Артём. Будущий труп?

Сергей. Опять же, все мы — будущие трупы, этим ты ни от кого из нас не отличаешься. Кто *ты*?

Дима. Думай, думай, Новиков!

Артём. Я думаю.

Длинная пауза. Все трое шьют.

Сергей. Придумал?

Артём. Ещё нет.

Дима. Напряги голову.

Пауза. Все трое шьют.

Дима. Новиков.

Артём. Да.

Дима. Так кто ты?

Артём. Личность?

Сергей. А что такое — «личность»?

Артём. Ну, это моё «я». Наверное.

Дима. А что такое — твоё «я»?

Артём. Это то, что делает меня мной.

Сергей. И что же делает тебя тобой?

Артём. Моя уникальная история?

Дима и Сергей смеются.

Дима. Чем же так уникальна твоя история?

Артём. Она не такая, как у других.

Сергей. Ты в этом уверен?

Артём. Ну... да. Я же всё-таки родился у своих родителей, а не, скажем, у твоих. И жил по-своему. Рано отца потерял. Да и мама прожила недолго. На меня влияли самые разные факторы, которые не влияли на других. Мне так кажется.

Дима. Родился ты в роддоме, ходил в детский сад, учился в школе, да?

Артём. Ну... да.

Сергей. Как все мы.

Артём. Ну, кто-то, может, и не учился. И в сад не ходил.

Дима. Это всё частности. В целом картинка одна и та же, отличия на уровне мелких деталей на общий план не влияют.

Сергей. В чём твоя уникальность? В ранней смерти отца? Поверь, много у кого отец рано умер.

Дима. Что бы ты ни назвал — всё это было или есть или будет у других. Так в чём же твоя уникальность?

Сергей. Ты думаешь, если твой пазл сложился чуточку иначе, чем у других, то ты сразу же стал уникальным?

Артём. Ну ладно. Может, дело в моей душе?

Дима и Сергей смеются.

Дима. Ты чего? Совсем расслабился? Какая «душа»?

Сергей. Нет никакой «души»!

Артём. Разве?

Дима и Сергей (хором). Да!

Артём. А что тогда есть?

Дима. Это ты нам скажи.

Сергей. А мы слушаем.

Длинная пауза. Все трое шьют.

Артём. Ну я же всё-таки отличаюсь от других. Например, кто-то совсем опустил, пьёт, колется, ведёт асоциальный образ жизни. А я — нет.

Дима. И что? Ты думаешь, в этом твоя заслуга, а не жизненных обстоятельств?

Сергей. Может, ты думаешь, в тебе есть какая-то особенная сила, которая не позволила тебе опуститься? Или же тебе просто повезло?

Артём. Ну вот другой бы на моём месте...

Дима (перебивает). А разве кто-то другой возможен на твоём месте?

Сергей. На твоём месте можешь быть только ты. А у других — свои места.

Артём. Ох.

Пауза.

Дима. Так кто ты, Новиков?

Артём. Я не знаю.

Сергей. Вот! Почти правильный ответ.

Дима. Совсем близко, Новиков.

Сергей. Ты думай, думай. Почти попал.

Артём. А мы тут что, в морской бой играем, что ли?

Дима (*смеётся*). Считаю, что так.

Короткая пауза.

Артём. Так что получается... никакой личности, что ли, нет?

Дима. А ты как думаешь?

Артём. Я всегда думал, что есть. И теперь думаю, что есть. Но уже не так уверенно.

Сергей. Ну ещё бы.

Артём. Есть же что-то, что выделяет меня из всех остальных.

Дима. Выделяет ли? Или это ты думаешь, что выделяет?

Сергей. Посмотри вокруг.

Артём. Я понимаю, к чему ты клонишь. Мол, все одинаково бритые, в одинаковых робах. Одинаково худые. Но глаза-то у всех разные. Носы, рты, уши.

Дима. А что, у тебя цвет глаз какой-то небывалый?

Сергей. Или, может, форма ушей фантастическая?

Дима. Ага, как у эльфа.

Артём. Да вроде нет.

Сергей. Черты лица, форма ушей, длина пальцев и так далее — это всё случайно собранные в кучку элементы из стандартных наборов.

Артём. Но ты же меня узнаешь, если увидишь, скажем, завтра! Не перепутаешь с другим кем-нибудь, так ведь?

Дима. Завтра узнаю, послезавтра не узнаю. Вдруг ты растолстеешь?

Сергей. Или постареешь сильно.

Дима. Может, столкнёмся через много лет на улице и не вспомним вообще, что когда-то знали друг друга.

Сергей. Или же увидим кого-то похожего на нас с тобой — и обознаемся.

Дима. Ведь есть же в мире люди, похожие на тебя? И на меня? И на Серёгу?

Короткая пауза. К Артёму идёт надзиратель, вынимая на ходу дубинку-электрошокер.

Артём. Есть. (*Помедлив.*) Но ведь я — это я! Я — это я!

Дима. А кто этот «ты»?

Артём. Я...

Надзиратель, которого Артём не заметил, тычет в него дубинкой. Разряд. Артём падает на пол, корчась. Дима и Сергей продолжают шить.

Надзиратель (*плюёт на лежащего на полу Артёма*). Не шуми. Пожалуйста. Голова и так болит.

Надзиратель уходит. Артём корчится ещё какое-то время. После встаёт, садится за машинку, шьёт.

Артём. Я — это тот, кому больно.

Дима и Сергей молчат, продолжая шить. Скоро и Артём увлекается, на его лице медленно, но верно расцветает улыбка.

Затемнение.

Сцена десятая

Тюремная библиотека. Артём сидит за одним из столов, читает книгу по пчеловодству. Справа от Артёма за одним столом сидят Дима и Сергей и листают советские ещё журналы — тоже по пчеловодству.

Артём (*Сергею и Диме*). А в этой библиотеке есть ещё что-нибудь, кроме книг про пчёл?

Дима. А разве так важно, что именно читать? Есть слова, есть предложения из этих слов — читай, получай удовольствие.

Сергей. К тому же, пчёлы — ещё не самый плохой вариант. Мы вот точно, когда выйдем, построим пасеку. (*Диме*.) Так вообще говорят — «построим пасеку»?

Дима. Может, и не говорят. Но пасека у нас будет. (*Артёму*.) Это же мёд, Новиков! Ты не любишь мёд?

Артём. Да как-то... равнодушен всегда был. Ну, мёд и мёд.

Сергей. Ты просто настоящего мёда не пробовал.

Дима. Мы на Алтай задумали махнуть — и там заняться пчёлами.

Сергей. Не самый плохой бизнес, если что.

Артём. Ну... да. Если подумать.

Дима. Если не думать — тоже.

Короткая пауза.

Сергей. Ну а чем ещё заниматься там?

Артём. Я вот на почту хочу устроиться. Грузчиком точно больше не буду.

Дима. Почтальоном?

Артём. Можно и почтальоном. Ну или на сортировку тех же писем.

Сергей. Новиков, письма давно уже роботы сортируют.

Дима. Да и письма теперь электронные в основном.

Артём. Но что-то же разносят почтальоны.

Сергей. Заразу.

Дима и Сергей смеются. Артём улыбается.

Артём. Ну вот сюда, к нам, письма пока только на бумаге идут.

Дима. Это если ты мобильный нигде не прячешь.

Сергей. Так-то люди уже давно вайбером пользуются. Или телеграмом.

Артём. Ну вот! Телеграммы! Я ж говорю — бумага ещё в ходу.

Дима. Телеграм, Новиков. А не телеграммы. Телеграм и вайбер — это такие мессенджеры.

Сергей. Темноват ты, Новиков. Даже, я бы сказал, дремуч.

Артём пожмывает плечами. Возвращается к чтению.

Дима. А тебе что, Новиков, кто-то письма пишет?

Артём. Пишет.

Сергей. Мама?

Артём. Нет. Жена. Мама давно нет.

Дима. И что тебе пишет жена?

Артём (*помедлив*). Денег требует.

Сергей. Ты сейчас серьезно?

Артём. Да.

Дима. Может, это ты, наоборот, у неё денег просишь?

Артём. Нет. Она просит. Ну, просила.

Сергей. Уже не просит?

Артём. Нет, я просто не читаю больше её письма — сразу выбрасываю.

Короткая пауза. Дима и Сергей смотрят на Артёма. Артём смотрит в книгу.

Дима. Почему?

Артём. Ну, потому что в них, кроме требований выслать бабла, нет больше ничего. А, ну ещё угрозы — и всё.

Сергей. Даже угрозы?

Артём. Ага.

Дима. И чем она тебе угрожает?

Артём. Пишет, что когда выйду, то её нынешний ухажёр сломает мне череп.

Сергей. Нормальная жена.

Артём. Ну вот такая жена.

Пауза. Дима и Сергей смотрят на Артёма. Артём смотрит в книгу.

Дима. Слушай, Новиков. А на хрен тебе такая жена?

Артём молча пожимает плечами.

Сергей. Зачем ты вообще на этой суке женился?

Артём. Она не была сукой. Была очень милой. В универмаге работала, в обувном отделе.

Дима. Там и познакомились?

Артём. Ну... да. Я же не знал тогда, что у неё проблемы с головой.

Сергей. То есть, она ещё и псих?

Артём молча кивает.

Дима. И сколько ты с ней промучился?

Артём. Ну... десять лет.

Длинная пауза. Дима и Сергей смотрят на Артёма. Артём смотрит в книгу.

Дима (*почти шёпотом*). Новиков. Какого хера ты её с лестницы не спустил?

Сергей. Неужели такая прям любовь?

Артём. Да нет никакой любви. На меня просто никто никогда внимания не обращал. А она...

Дима (*перебивает*). А она обратила?

Артём молча кивает.

Сергей. Что-то это совсем как-то грустно всё звучит.

Дима. Надо было разводиться сразу, как только...

Сергей (*перебивает*). Как только первые звоночки появились, что всё не так радужно.

Дима. Да.

Артём молча пожимает плечами и тяжело вздыхает.

Дима. Слушай. Я, кажется, понял.

Сергей. Она тебя била?

Артём молча кивает. Дима и Сергей переглядываются.

Дима. Видал я, конечно, инерцию, но чтоб такую...

Сергей. Новиков, а ты в курсе, что нельзя никогда ждать, когда всё само собой разрулится?

Дима. Потому что не разрулится.

Артём молча пожимает плечами.

Сергей. Это ж как ржавый гвоздь в полужопии — от заражения крови раньше помрёшь, чем дождёшься, когда он сам выйдет.

Дима. Запустил ты себя, Новиков.

Артём. Знаю.

Сергей. Знаешь, а ничего не делаешь.

Артём. Ну а что я тут сделаю?

Дима. Тут много чего можно сделать.

Сергей. Подготовиться, например, к выходу.

Дима. С правильными людьми законтачить.

Сергей. Чтобы потом — там — побыстрее порядок в своей жизни навести.

Пауза. Артём молча смотрит в книгу, но не читает.

Дима. Новиков, не унывай. Решешь свои дела — и приезжай к нам, на Алтай. Будем вместе пчёлами заниматься.

Сергей. А не хочешь пчёлами, так будешь пасеку сторожить. Мы тебе пса найдём. Настоящего, большого.

Дима. Будешь с ружьём и собакой наших пчёл охранять — милое дело!

Короткая пауза. Новиков, улыбаясь, смотрит в никуда.

Артём. Это хорошо. Но только ничего ж нет пока — ни пасеки, ни пчёл, ни ружья. Ни собаки. Всё ж из воздуха — ненастоящее. Выдумка.

Дима. Новиков, я тебе главный секрет этой жизни открою, хочешь?

Артём. Ну... давай.

Дима. Новиков. Всё — ненастоящее. Всё — выдумка.

Сергей. Так что какая разница?

Артём молча смотрит на Диму и Сергея.

Дима. Только есть одно условие.

Артём. И какое?

Сергей. Ты должен обязательно нам сказать, кто ты.

Дима. Кто ты, Новиков?

Пауза. Артём пожимает плечами, сидит молча некоторое время, после принимается тереть глаза.

Дима. Ну?

Артём. Неуловимый мститель?

Дима и Сергей смеются. Артём улыбается.

Дима. А хорошо! Ты знаешь, очень хорошо.

Сергей. Почти в точку.

Дима. Но таким ты ещё станешь.

Сергей. Чуть позже.

Дима. Если захочешь, конечно.

Затемнение.

Сцена одиннадцатая

Почти совсем темно — немного света даёт короткая свеча, стоящая на скамейке, сделанной из обычной доски. На ней сидит мужчина средних лет, лица его не видно. Это Потап. Он пьёт чай из белой эмалированной кружки.

Слева от Потапа на корточках сидит Артём. В руках у него такая же белая эмалированная кружка.

Артём. Это чифирь?

Потап. Нет, ты что. От чифиря зубы вываливаются и сердце ходуном ходит. Это такой облегчённый вариант тибетского чая. Сам понимаешь, молоко и масло яка нам здесь достать никак нельзя, потому молоко обыкновенное — коровье, а масло — сливочное. В молоке варим вместо пуэра обычный чёрный чай, добавляем масло, соль, хорошенько взбиваем и пьём. Ты попробуй.

Артём отпивает.

Потап. Ну что? Вещь?

Артём. Вещь. Хотя и непривычно.

Потап. Ну да, непривычно. Но ко всему можно привыкнуть. Человек такая скотина, что легко ко всему привыкает. *(Помедлив.)* Люди вообще жалкие существа, но вот чай они удачно придумали.

Артём. Вы ведь тоже человек.

Потап. Я-то? Во мне ничего человеческого давно уже нет.

Артём. Но и рогов же у вас нет. Или там крыльев.

Потап. Рога и крылья не избавят меня от человеческого, если я не избавлюсь от иллюзий. Я могу быть каким угодно, хоть с хвостом из жопы, но таким же, как и все остальные люди. Человек прячется здесь. *(Потап постукивает себя по лбу согнутым пальцем.)* Никакие татуировки, никакой пирсинг и прочие издевательства над телом не помогут тебе выйти за пределы человеческой природы.

Артём. А обязательно ли выходить за эти пределы?

Потап. А ты как думаешь? Ты же сам ко мне попросился?

Артём. Ну... да. Наверное.

Потап. Если ты пришёл за советами или там за «мудростью», то я спешу тебя разочаровать. Я не учитель, не мудрец. Не гуру, короче. Я — зек. И зекон буду ещё долго.

Артём. Но зек — это же человеческое?

Потап. Так а ты — кто? Ты человек. Вот я с тобой и говорю на человеческом языке.

Артём. А что это такое — человек? Обезьяна, научившаяся мыслить абстрактно?

Потап. Человек — это сборник программ разной степени нелепости, и каждая из этих программ ведёт к однозначному провалу.

Артём. А разве «провал» — это не из человеческого языка?

Потап. Конечно.

Артём. И разве избавление от этих программ избавляет автоматически и от «провала»?

Потап. Избавление от программ избавляет от всего. И от «провала», и от «успеха». Ты перестанешь опираться на эти категории — и всё.

Артём. Тогда не стану ли я просто бессмысленным животным?

Потап. Как будто бы, будучи человеком, ты и так не являешься бессмысленным животным.

Короткая пауза. Артём и Потап пьют тибетский чай.

Потап. Ошибка человека в том, что он считает себя кем-то гораздо выше остальных животных. И этот кто-то в представлении человека, ко всему прочему, ещё и некоей особенной значимостью наделён. Якобы носит в себе большой и драгоценный смысл.

Артём. А смысла нет?

Потап. А ты сам как думаешь?

Артём. Я не знаю.

Потап. Знаешь — и прекрасно, просто ссышь себе в этом признаться. И самое интересное, что все знают. Все до единого. И всем до усрачки страшно.

Пауза. Артём и Потап пьют тибетский чай.

Потап. Человек — это как свинка. Болел в детстве свинкой?

Артём. Ну... да. Наверное. Я не помню.

Потап. Я думаю, болел. Так вот, если переболел свинкой, то тут же иммунитет вырабатывается против неё — и повторно вряд ли заболеешь. То есть, ей надо переболеть, чтобы потом не болеть. Так и всем человеческим тоже надо обязательно переболеть. Короче говоря, чтобы избавиться от ноши, её нужно сначала на себя взвалить. Понял?

Артём. Да... кажется.

Потап. Важно то, как быстро ты поймёшь, что тащишь на себе целую Джомолунгму всякого мусора. Как только понял — тут же бросай. Сразу же! Не тащи дальше. Не ломай спину.

Артём. А как скинуть-то?

Потап. Раз! — и скинул.

Потап смеётся.

Артём. Ну я же должен понимать, как это делается.

Потап. Расскажи мне, будь так добр, что такое — зелёный цвет?

Артём. Как же я расскажу? Это видеть надо.

Потап. Вот именно! Как же я расскажу? Это делать надо!

Короткая пауза.

Артём. Так, может, что-нибудь почитать посоветуете?

Потап. Ты что, совсем, что ли? По пути сюда сильно головой ударился?

Артём. Нет.

Потап. А зачем тогда такие вопросы странные?

Артём. Ну надо же мне найти какую-то инструкцию.

Потап. Какой ты смешной, Новиков. Я же тебе не лидер секты, чтобы врать с умным видом. Ты меня среди других зеков не узнаешь, потому что я точно такой же, как и все остальные. Ничем не отличаюсь. И учеников у меня нет. И рекомендаций я не даю. Даже глаза у меня самые обычные и никакой особенной мудростью не светятся. Инструкцию ему дай. Ты серьёзно думаешь, что тот, кто сбросил с себя груз человеческого хлама, тут же побежит об этом книжку писать? Этим шарлатаны и фокусники занимаются, на хлеб с маслом зарабатывают себе, жене и детям.

Пауза. Артём допивает чай и ставит кружку на пол.

Потап. Это как с курением. Хочешь бросить? Брось. Просто прекрати курить — и всё.

Артём. Ну, это же не так просто.

Потап. Да просто! Очень просто. Берёшь и бросаешь. И тут же забываешь, что когда-то мог совать сигарету за сигаретой в рот — напрочь. Вырезаешь из памяти. А читать книги о том, как бросить курить, бесполезно — пустая трата времени. Это как читать о сексе вместо того, чтобы пихать свой прибор в самку. Читиво, может, и увлекательное, но ощущения, брат, совсем не те.

Артём (помедлив). Ну да. Соглашусь.

Потап. Ты не соглашайся. Ты делай. Мне твоё согласие ни к чему. Я тебя не вербую.

Короткая пауза. Свеча гаснет.

Артём. А вы, наверное, тибетский буддизм исповедуете?

Потап. Ох и дурак же ты, Новиков.

Пауза.

Артём. А вас правда Потап зовут? Смешное имя. Как будто вы — отец того самого медведя из детства. Который Михайло Потапыч.

Пауза. Никто не отвечает.

Артём. Ау.

Никто не отвечает.

Затемнение.

Сцена двенадцатая

Дневник Артёма

Важно уметь разрядить обстановку, не создавая лишнего напряжения и убирая уже возникшее. В данном случае юмор — самый правильный инструмент, способный снять напряжение. Нужно учитывать, что сарказм и юмор — это две разные вещи. Сарказм — это оскорбление, завернутое в шутку, а к оскорблениям прибегать не стоит, разве что в крайнем случае, когда нет иного выхода. Опытный воин, я уверен, и не подумает прибегать к оскорбительным словам, не будет их использовать — как человек свободный и сильный.

Вместо оскорблений — юмор. Либо выход из конфликта в буквальном смысле — взять и уйти без пояснений.

Стоит помнить о том, что быть постоянно вежливым и учтивым не всегда уместно. Куда более полезно быть гибким и не тратить энергию попусту, если вдруг кто-то пытается посягнуть на твою свободу. Свободной личности необходимы зубы. Если нет возможности выйти из конфликта, то можно и доминирующего самца изобразить — заранее натренировавшись, конечно. И вообще хорошо бы заниматься боевыми искусствами хотя бы для придания своей внешности более уверенной в физическом плане формы. К драке прибегать нужно в самую последнюю очередь, поскольку драка чревата не самым приятным развитием событий: ненароком можно нанести ущерб здоровью противника — или же, не рассчитав, пострадать в физическом плане самому, что никому не нужно, поскольку мы не члены бойцовского клуба и быть инвалидом не хочется никому. Однако, если иначе нельзя, то лучше всего научиться применять не ударную технику, а пользоваться удушающими и болевыми приёмами.

А ещё, конечно, необходимо научиться не стесняться. С этим у меня всё ещё есть проблемы. Я до сих пор ставлю себя на нижнюю ступеньку и считаю, что я — хуже других, что совсем не так. Пусть лучше меня стесняются. Стесняться — это ставить себя в позу жертвы, в позу подчинённого существа, но я ведь — свободный человек, я никому не подчиняюсь, потому и стесняться никого не должен — особенно у себя дома!

(Если коротенько пройтись по новостям в моей жизни, то, дорогой дневник, я скоро выхожу на свободу — остались считанные дни. И если ещё год назад я не знал, что буду делать там, на воле, то теперь прекрасно себе представляю все свои шаги — могу прямо расписать их чуть ли не по часам и минутам. Могу, но не буду, ты уж прости меня, дневничок. Как бы ни были мы дружны с тобой, но это, всё-таки, слишком личное. Я знаю, что ты не так уж и болтлив, но осторожность ещё никому не мешала, правда?

Всё большие и большие, дорогой дневник, сомневаюсь я в том, что ПСИБО способно работать. Всё меньше и меньше верю я в то, что психология — не самообман. Стыдно, конечно, признаваться себе в этом, но если придётся выбирать между двумя дубинами, воображаемой и реальной, то я скорее всего выберу всё же реальную. Бей и беги, дорогой дневник, БЕЙ И БЕГИ! Луни со всей дури и скрывайся. Потому что нет свободы или несвободы. Нет меня или тебя. Есть только до обидного нежная задница, которую необходимо спасти.

Но, наверное, это и к лучшему. Уже очень скоро я буду дома. Каждый день и каждую ночь здесь я представлял ту самую минуту, которая разделит меня на «до» и «после».

Очень не хватает собаки, дорогой дневник. Но ничего, она появится, дай мне только выйти.

Главное, конечно, не отчаиваться. Скоро всё изменится. Я это чувствую. И никакие костыли, вроде того же придуманного мной же ПСИБО, мне не нужны.

Да хранят меня внутренние ресурсы моей личности. Которой, я подозреваю, нет и никогда не было. Но тем не менее.)

Затемнение.

Сцена тринадцатая

На воле тем временем ничего не изменилось, хоть и прошло два года.

Бытовка. За столом сидят четверо — Васильевич, Петрович, Иванович и Бригадир. У Петровича заплыл левый глаз.

Бригадир. В следующий раз будет хуже, Петрович.

Петрович (*заплетающимся языком*). Я понял, Анатолий Александрович.

Бригадир. Сомневаюсь, что ты хоть что-нибудь понимаешь.

Петрович. Я правда понял, Анатолий Александрович.

Короткая пауза. Бригадир смотрит на Петровича. Тот прячет глаза. Прячут глаза и все остальные.

Бригадир. Не хотел я, конечно, этого делать, но... Сам понимаешь, Петрович, — один раз пожалеешь кого-нибудь из вас, так вы тут же на шею сядете.

Петрович. Не надо, Анатолий Александрович! Я правда всё понял!

Бригадир. Снимай штаны, Петрович. Ничего не поделаешь. За свои проступки нужно отвечать.

Петрович. Ну Анатолий Александрович! Ну пожалуйста!

Бригадир. Снимай. Без лишних разговоров.

Петрович. Анатолий Александрович, у меня ещё с прошлого раза очко не зажило — ну пожалуйста!

Бригадир. Давай без истерик, Петрович. Ты что — баба?

Петрович (*почти шёпотом, вставая и расстёгивая ширинку*). Ну Анатолий Александрович...

Дверь в бытовку открывается, входит Пчеловод — человек в пчеловодческом комбинезоне и шляпе с тёмной сеткой, скрывающей лицо. В руках у Пчеловода — карабин «Сайга-МК».

Все четверо оборачиваются и смотрят на Пчеловода. Пчеловод, уперев приклад в плечо, целится в Петровича и почти сразу стреляет. Петрович с грохотом падает на пол, опрокидывая табуретку. Васильевич и Иванович, открыв рты, встают на своих местах.

Пчеловод стреляет два раза с коротким промежутком между выстрелами. Васильевич и Иванович с грохотом падают на пол, опрокидывая табуретки. Бригадир сидит и спокойно смотрит на Пчеловода, который целится в Бригадира.

Бригадир. Ты думаешь, я тебя боюсь? Да у тебя кишка тонка, понял? Попробуй только выстрелить, я с тобой знаешь что сделаю? Ты даже не догадываешься! Слышишь, урод? Я тебе...

Пчеловод стреляет в Бригадира, обрывая его тираду. Бригадир с грохотом падает на пол, опрокидывая табуретку.

Пчеловод стоит минуту, не шевелясь, после быстро выходит.

Затемнение.

Сцена четырнадцатая

Квартира Артёма, в которой, кажется, стало ещё больше мусора. За столом, принесённым с кухни в зал, сидят Диана (слева, спиной к двери), Наталья Николаевна (в центре) и Лёшка (справа, лицом к двери, в той же майке «Духовный центр ВОЗРОЖДЕНИЕ»). Все трое основательно нетрезвы.

На столе — бутылки, некоторые из которых пустые и валяются, стаканы, тарелки с объедками и прочая грязная дребедень.

Диана. Хоть бы раз прислал денег. Так нет. Ни разу. И это всё с учётом того, что я беременна!

Лёшка. Что-то ты как-то слишком давно беременна, а всё не родишь никак. Да что там не родишь — хоть бы пузо выросло немного, а то так и осталось, как и было всегда.

Диана. А что ты думал? Когда у женщины такой стресс, как у меня, у неё запросто может беременность задерживаться — хоть на десять лет! Если бы мне был обеспечен настоящий уход, то я уже давно бы, поверь мне, не только родила, но и... *(Диана запинаясь, не находя подходящих слов для продолжения фразы, и махает рукой — мол, ты понял.)*

Лёшка ржёт, безобразно тряся обтянутым майкой пузом. Диана бросает в него куском сала, но промахивается.

Наталья Николаевна. Ну а что, Лёшенька, почему нет? Я вот слышала, что...

Лёшка *(перебивает)*. А я вот слышал, что в городе завёлся массовый убийца, его все Пчеловодом зовут, потому что он в специальном костюме ходит — ну, в таком, чтобы с ульями работать. Валит всех из карабина. Четыре человека уже убил.

Диана. А чего из карабина, если он — Пчеловод? Мог бы, я не знаю, пчёл напускать. Или, там, пшикать дымом из такой штуки... ну, как она называется?

Лёшка. Дымарь.

Диана. Ну вот! Дымарём этим.

Лёшка. Карабин лучше. И тем более пули — чем тебе не пчёлы? Только свинцовые? Летать умеют, жалят только в путь, разве что на цветочки не садятся — а им и не надо.

Лёшка ржёт, безобразно тряся обтянутым майкой пузом.

Дверь открывается, в комнату входит Пчеловод с карабином. Лёшка вскакивает, но остаётся стоять на месте. Диана медленно поворачивает голову, видит Пчеловода. Тот стреляет в Диану. Она с грохотом падает на пол, опрокидывая стул. Наталья Николаевна начинает очень громко визжать. Пчеловод обрывает визг выстрелом. Наталья Николаевна с грохотом падает на пол, опрокидывая стул.

Лёшка стоит на месте и весь трясётся.

Лёшка. Христом богом... Христом богом... *(Натягивает на себе майку.)* Я же верующий человек, не убивай, пожалуйста!.. Христом богом!..

Пчеловод стреляет. Лёшка с грохотом падает на пол, опрокидывая табуретку.

Пчеловод стоит минуту, не шевелясь, после быстро выходит.

Затемнение.

Сцена пятнадцатая

На трубах под мостом сидит Маргинал из первой сцены и руками ест торт из грязной коробки, стоящей на коленях Маргинала. У ног Маргинала валяется сумка PUMA.

К Маргиналу подходит Пчеловод с карабином в руках. Целится в Маргинала.

Маргинал *(поднимая руки, измазанные тортом, над головой)*. Мужик, ты же понимаешь, что это не метод. Ты же не с причиной борешься, а с последствиями. Ну убьёшь ты меня — и что? Думаешь, таких как я меньше станет? Нет. Ты бы с головки прыща начал, а? Я-то что, я человек не просто маленький — меня, считай, и нет вообще. Чем я тебе мешаю?

Короткая пауза. Пчеловод молча целится в Маргинала.

Маргинал *(не опуская рук)*. Или, может, я лично тебе свинью какую подложил? Так ты прости меня. Мы ж с тобой люди православные, нам сам бог велел прощать друг друга. Так ведь никого не останется, если за любую ерунду убивать.

Короткая пауза. Пчеловод молча целится в Маргинала.

Маргинал *(не опуская рук)*. Слушай, мужик, я тебе слово даю исправиться. Я вот прямо сейчас в баню пойду, серьёзно. И к водке больше не притронусь. Я даже курить брошу, хотя казалось бы — безобиднее занятия не придумаешь, правда? Вот те крест, мужик.

Маргинал пытается перекреститься, но Пчеловод стреляет в него. Маргинал падает, заваливаясь на бок. Коробка соскальзывает с его колен, переворачивается, остатки торта шлёпаются на землю.

Пчеловод стоит минуту, не шевелясь, после быстро уходит.

Затемнение.

Сцена шестнадцатая

Дневник Артёма

Если меня, дорогой дневник, спросить, кто же я, то знаешь, что я отвечу?

Что вопрос некорректен. Что нет никакого я, а раз его нет, то и про определения его бессмысленно разговаривать. Зачем обсуждать выдумку? Никого нет дома — и даже свет не горит.

Когда кто-то другой, кого я почему-то считаю собой, был маленьким, он постоянно мечтал о собаке. Но ни разу не сказал родителям, что хочет на день рождения щенка, поскольку был уверен, что родители сами должны догадаться — они же видят его насквозь. По крайней мере, так они ему говорили чуть ли не каждый день.

В итоге, потеряв по дороге сначала отца, потом мать, очутился мальчик во взрослой жизни совершенно прозрачным — и без собаки. Дул сквозь мальчика ветер, лил сквозь мальчика дождь, падал снег. Был мальчик пуст и заброшен, как дряхлый сарай у сгоревшего много лет назад дома. Или так ему казалось.

Пришла пора прощаться, дорогой дневник. Того, кто тебя писал, больше нет. ПСИБО, кажется, его убило — как голое свободное электричество.

(Пожалуй, назову так пса — ПсиБо. ПсиНа Боль. Или Шарик. В общем, ещё подумаю.)

И да хранит меня и тебя, дорогой дневник, что-нибудь.

Затемнение.

Сцена последняя

На фоне гор стоит человек с ружьём на плече. У ног человека сидит большой белый пёс. Позади человека и пса — заросшее травой поле, на котором то тут, то там стоят разноцветные ульи.

Оглушительно жужжат невидимые пчёлы.

Занавес.

Минск, июль-август 2018 г.